

Алевтина
Корчик

Болтловня

18+

Алевтина Корчик

Болтовня

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Корчик А.

Болтовня / А. Корчик — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Однажды тебе приходит сообщение от старой институтской подруги, с которой вы не общаетесь уже тысячу лет. Вы столкнулись с ней месяц назад и после неловкой паузы вежливо обменялись номерами. Теперь она зовет в гости в ближайшую субботу. Ты растерянно крутишь телефон в руках. Слишком много времени прошло, что вы скажете друг другу? А ведь когда-то вы очень тепло дружили. После недолгих раздумий ты соглашаешься и уточняешь время.

Мы назначили встречу на семь, в субботу, именно так и договорились в сообщениях. Я прекрасно знала: Ира человек пунктуальный и созваниваться лишний раз нет никакой необходимости. Я собиралась. Я честно планировала встречу со старой подругой. Перенесла бытовые хлопоты на следующий выходной, но идти в гости совершенно не хотелось.

Ирка была мне очень близким человеком. Очень. Когда-то. Но сейчас мы стали совсем чужими, и делиться личными новостями с человеком, о котором ты много лет ничего не знал и даже не видел... Что мы сейчас могли сказать друг другу? Мы и так все поняли, когда столкнулись: все как у всех, шагаем в ногу со временем и обустройстваем свои семейные гнездышки. В свое время мы обе вышли замуж с разницей в полгода, обзавелись потомством, и бытовая рутина поглотила каждую в свои крепкие объятия.

Увы, в основном встречи с давними друзьями и знакомыми приносили мне одни разочарования: беседы были натянутыми, скучными, недружелюбными, и после разговора оставался неприятный осадок, внутри неприятно ныло, и вообще в голове звучал вопрос: надо было вообще собираться вместе за столом с чужим человеком и рассказывать ему о себе? Лишнее это. Так происходило почти всегда. Меня долго это раздражало. Я ценила своих подруг, подружек и приятельниц, с которыми меня связывали теплые вечера в кафешках или на кухне, наши бабские разговоры и совместные походы по магазинам и, конечно же, различные добрые дела и подарки. Я верю в женскую дружбу – просто она имеет свои правила, вот и все. Не надо много на нее возлагать, и тогда все будет нормально.

Я недавно заметила, что перестала здороваться со старыми знакомыми: как ни в чем не бывало прошла несколько раз мимо одноклассников и старых дворовых приятелей, чему была несказанно удивлена – раньше не замечала за собой такого невежливого поведения. Я наблюдала за собой немного со стороны и не могла понять, что это со мной произошло, и когда именно началось это странное заболевание.

Однажды, побродив по магазинам, я вышла покурить на задворки здания и услышала рядом женский голос, он разговаривал по телефону: по-деловому обсуждались какие-то насущные дела, связанные с закупками. Женский силуэт находился от меня в метре, я повернулась и узнала по очертаниям свою хорошую приятельницу. Модный наряд, красивые высокие сапожки – она выглядела замечательно. Я порадовалась и... молча продолжила стоять дальше. А ведь мы заходили друг к другу в гости. Как так?.. А потом я поняла: времени прошло уже столько с момента наших посиделок, что мы стали уже другими: мы будто заново стали незнакомыми, просто то ли обновились, то ли, наоборот, состарились.

Одно и то же: бодрые вскрики при встрече, ощупывание друг друга взглядом, привычные вопросы о насущных делах, обмен номерами и дальше знак вопроса. После этого обычно мне приходили странные сообщения, потом фотографии с отдыха – обязательно со счастливыми лицами и мужчиной рядом, а потом это заканчивалось молчанкой, а иногда неловкими голосовыми бурчаниями с извинениями, что не получается увидеться. Мы вроде как изначально должны друг другу: встретиться, возобновить приятельство, обменяться подарками и дальше ходить друг другу в гости.

Как-то раз я встретила в маршрутке свою близкую школьную подругу: я уже протискивалась к выходу, как увидела Машку. Она очень обрадовалась, мы звонко поздоровались, я уже было открыла рот, чтобы продиктовать цифры телефона, но моя остановка уже мелькала слишком близко, а я вспомнила, что частенько вижу Машкину старшую сестру. Я очень спешила и подумала, что свяжусь с подругой через родственницу. Я хорошо помню растерянный взгляд школьной подруги, когда я крепко обняла ее и выскочила из маршрутки, мне было так неловко, что эта встреча потом долго не выходила у меня из головы. Спустя пару лет мы снова встретились с Машкой, и вот тут уже я сразу продиктовала свои цифры. Дальше было грустно: сначала мы активно переписывались, рассказали новости уже взрослых детей, а потом обще-

ние резко забуксовало: одноклассница вдруг перестала отвечать на сообщения, и снова стало неловко. Ну, таких случаев уже миллион в моей копилке.

Раньше я старалась поддерживать связь с подругами и, несмотря на кипучую личную жизнь, которая вместе с основной работой съедала все свободное время, все равно старалась регулярно выбираться в гости к старым приятельницам – совсем не хотелось терять их из виду. Да и какой потом разговор, если вы не виделись слишком долгий период: вы ничего не знаете друг о друге и не понимаете последние события. Подруги тоже активно настаивали на встречах. Надя, например. Она так зазывала меня в гости, что, невзирая на все проблемы уже с двумя работами, я выбралась к ней на вечерок. «Обязательно приезжай! Слышишь?! Чтобы обязательно приехала! Я буду тебя ждать!» – кричала подруга почти неделю в трубку. Мы действительно с ней долго не виделись.

Я бросила все дела и помчалась к ней. Она долго сжимала меня в объятиях и сразу засыпала меня вопросами с самого порога. «Жду не дождусь тебя! – громко провозгласила Надя. – Пиццу тебе приготовила! Все, раздевайся, проходи! Заждалась тебя уже!» – прием был радушным. Надя в нетерпении крутилась возле меня и постоянно требовала: «Рассказывай! Что у тебя? Рассказывай!» Я, конечно, сразу стала делиться своими мелкими новостями – всегда приятно, когда так искренне интересуются твоей скромной персоной. На тот момент мне было что поведать: кипучая рабочая деятельность, огромный коллектив, регулярные корпоративы, красавец-начальник, да и личная жизнь бурлила после очередного развода.

Надя постаралась – что-что, а кулинарка она отменная! Она относится к категории женщин «родилась с тряпкой в руке». Чистота в доме и приготовление пищи из воздуха. Хотя это просто так казалось – из продуктов, конечно. Из ничего и приготовишь ничего. Но Надя умудрялась это делать так быстро и ловко, что казалось, что и в самом деле из воздуха. На глазах на столе появлялись все новые блюда и салаты. Стол ломился. Впрочем, как обычно. «Ешь-ешь! – Надя продолжала бодро командовать. – Так интересно, что у тебя! У тебя всегда какие-то приключения! Давай кушай и расскажешь мне!» – Надя в нетерпении ерзала на стуле, как будто я и в самом деле поведаю ей что-либо немыслимое. «Так давно тебя не видела!». Надин горящий взгляд прожигал меня насквозь, и я, уплетая различные вкусности, стала делиться новостями. Подруга нервно хмурилась. «Ага-ага, – кивала она. – Рассказывай дальше!» Я выкладывала подробности своей личной жизни как горячие пирожки, а Надя продолжала повторять одну и ту же фразу «Ага-ага, рассказывай дальше!» Я уже оповестила ее обо всех своих событиях, но Надя продолжала с безумными искорками в глазах требовать еще подробностей. Через время я уже поделилась всеми свежими обновлениями, но подруга не унималась и также в нетерпении ерзала на стуле. «Пошли, покурим!» – громко скомандовала она, и мы переселились с закусками на застекленную лоджию. Надя уселась на порог и снова потребовала новостей.

– Да ты за себя расскажи! Что я все без умолку болтаю, что у тебя новенького? – поинтересовалась я в свою очередь.

– Да у меня по-старому, – отмахнулась Надя. – Работаю там же, малая в школу ходит, а так... ничего нового... Ты лучше рассказывай!

– Как поклонник твой? – намекнула я на одного из молодых папаш одноклассницы Надиной дочки.

– А, никак. Так и лыбится да про уроки спрашивает.

– Ага, а как...

– Ты рассказывай, чего там у тебя!

– Да я рассказала уже все, Надь.

– Ну как все?! – подругу вдруг недовольно перекосило. – Ты мне ничего не рассказала!

– Да я только и болтаю... Ты чего?

– Да ничего ты мне не рассказала! – продолжала грозно вещать Надя, сурово хмури брови.

– А что ты хочешь услышать? – я не выдержала и недовольно скривилась.

– Ну как что?! Ты же мне самое главное не рассказала! – Надя в нетерпении задвигала ногой по покрытию пола.

– И что для тебя «главное»? – поинтересовалась я, хотя уже понимала, о чем идет речь, вернее о ком.

– Ну ты что!.. Ты мне про Костю ничего не сказала! Ну про него!

– Про Костю?.. А что про него рассказывать?..

– Ну как! Такая история! Я тебя так ждала, а ты молчишь весь вечер! – укоризненно посмотрела на меня подруга.

– Надь, а причем здесь Костя? – меня перекосило уже окончательно. Недовольная подруга тоже не скрывала своего раздражения. – Ты смеешься, что ли? Я забыла, когда его видела воочию. Я тебе уже сто раз говорила.

– Ну как это! Такого не может быть! Такая история!.. Вы что, так и не виделись с ним?!

– Надь, сколько можно? Я тебе уже сто раз говорила, ты опять спрашиваешь? – Я замолчала.

– Не... ну... как это... – подруга нервно дергалась и пожимала плечами. – Ну как... ну такая история у вас с ним была! Ну не может такого быть! – Надя практически перешла на крик.

– Какая история?

– Ну вот так вот... ну это же...

– Надь, да ты что, издеваешься?! Какая история?! Пять раз встретились, вот и вся история. Ты у меня уже несколько лет про него все спрашиваешь, я тебе уже сто раз говорила: я забыла уже о нем и как он вообще выглядит.

– Ну как это?! – Разговор зашел в тупик.

Однажды я по горячим следам поведала Наде одну историю своего интернет-знакомства, довольно замечательную и интересную. Я встретила с парнем изумительной наружности, и мы прекрасно провели с ним некоторое время. Он действительно выглядел сногшибательно – сложно его описывать на словах, но он, и правда, заслуживает самых лестных эпитетов. Единственное, этот молодой человек был сам себе на уме, прекрасно знал о своих внешних плюсах и внутренних качествах, а также и обо всех остальных «свойствах», нужных для общения с женским полом и, естественно, знал себе цену. Я думаю, этот парень был нарасхват, поэтому явно долго не задерживался в одной постели и наслаждался своей свободой на полную катушку, если он, конечно, действительно был свободным – о себе он рассказывал крайне мало. Романчик было интересным, и я с восторгом тогда поведала Надье о наших встречах и о предшествующей недолгой переписке, но это было сто лет назад. То ли я с таким восхищением поведала Наде о новом знакомом, то ли она вообразила его как следует, но подругу с того дня просто заклинило на его персоне. Она засыпала меня вопросами и спустя время, когда я уже сама начала забывать этого прекрасного парня, Надя не унималась и снова и снова заставляла вспоминать меня этого Константина, если его, конечно, так звали на самом деле. Свои документы он мне не показывал, да я и не требовала. Мне было очевидно даже в моем состоянии потрясения его персоной, кто он и что он, я не рассчитывала, что мы завяжем с ним крепкую интимную связь, да и парень был на порядок годков младше.

– Надь, я тебе ничего нового за него не расскажу, это когда было-то? Уже года три прошло...

– Какие три года?! – снова возмутилась подруга, нервно теребя домашний халат. – Да это недавно было!

– Да как тебе объяснить, что я его тысячу лет в глаза не видела? Надь, ты чего? Ты у меня про него и в следующий раз будешь спрашивать? Мы же говорили...

– Ну не знаю... – крайне разочаровано протянула Надежда. – Такая история... Как же так!

– Да ты точно фантазерка, какая история? – я усмехнулась. – С пришествием интернета в нашу жизнь теперь у каждой таких историй по несколько штук. Ну хватит, проехали эту тему.

– Я думала, у вас все получится...

– Ну хватит! – я не выдержала. – У нас и получилось то, что могло получиться: прекрасно провели время. Этот парень оставил самые прекрасные воспоминания о себе. Давай уже как-то не про него.

Но было заметно, что «не про него» Надя разговаривать не хочет, и мы через минуты распрощались. На пороге подруга крепко меня обняла, завернула мне разных гостинцев, поинтересовалась, когда меня ждать в следующий раз, и я уехала. Вот такая встреча.

Помимо многочисленных приятельниц у меня есть несколько близких друзей, но и с ними с годами все складывается непросто: мы вроде как перестали понимать друг друга.

Однажды ко мне в гости с регулярным визитом нагрянула Алла – очень близкий и любимый мною человек. Накануне я провела время в немного странной компании. На предыдущей работе у меня был короткий, но страстный романчик с весьма привлекательным мужчиной, который раньше находился в статусе военнослужащего на тяжелой и сложной должности и, выйдя на гражданку, отрывался на полную катушку. Серьезный и умный мужчины впадал в полнейшее детство, выглядел придурковатым переростком и резвился как малое дитя. С ним тоже было крайне сложно построить что-либо серьезное, но мы хорошо общались в общей компании. Ушел он от нас с громкой историей. Не знаю, как и где, но он отдыхал с друзьями и, если можно так выразиться, «познакомился» в некоем уютном месте с восемнадцатилетней проституткой Викой. У Паши вдруг снесло крышу, что уж там у них такого «случилось», но взрослый мужчины за тридцатник, по слухам, долго вызволял молодую особу из сексуального рабства, в итоге все-таки спас ее и заселился с ней в однушку своей бабушки.

Загул его с этой молодой особой был таким бурным и долгим, что с работы ему уволили, и дальнейшие его новости мы узнавали исключительно от общих друзей. Вот как раз с этим самым приятелем и с его «новой девушкой» мы и провели вечер накануне встречи с моей подругой Аллой. Погуляли хорошо: я никогда раньше не общалась с настоящими жрицами любви, и мне было интересно увидеть эту молодую особу, от которой у взрослого мужчины уехала крыша. Мы встретились, покуролесили по городу, завершили вечер попойкой сначала у них, потом у меня, затем снова отправились на прогулку и разбежались по домам. Девчонка на самом деле была привлекательной, общалась непринужденно, к тому же рассказала мне свою нехитрую биографию без всяких прикрас. Она поведала мне о своих приключениях в большом городе, где собиралась строить карьеру, а в итоге неудачно устроившись на работу официанткой, попала в крайне неприятную ситуацию. Мне понравилась эта молодая девчонка: прямая, уверенная, веселая и симпатичная. Я, пообщавшись с ней, хорошо поняла нашего Павлика – в нее можно было влюбиться. Эта пара строила новую жизнь, выглядели они веселыми и счастливыми, и мы хорошо погуляли до утра. Именно это я, смеясь, и поведала своей близкой подруге.

– Она, и правда, красавица, немудрено, что на нее сразу глаз положили, и видно, что в нашего Павлика влюблена по уши. Хотя, конечно, он для нее теперь герой: долги за нее отдал, в хорошую хату поселил – вот так девчонка и устроилась. Неожиданный поворот в судьбе!.. – я улыбалась. – Да и его рада была видеть, ты же знаешь, с ним всегда весело. Денег вчера пропили немеряно... Где только нас не носило! Повеселилась я вчера, короче. – К рассказу я добавила несколько смешных, на мой взгляд, моментов и добавила: – Вот так и познакомилась с Пашкиной невестой. Действительно красивая, надо было ее сфоткать, не подумала...

– Да зачем она тебе вообще нужна!! – вдруг заверещала подруга.

Я, занятая своими воспоминаниями о разгульной ночи, подняла голову.

– Да она мне не нужна... Ну встретились, погуляли... Он про наших расспрашивал, про шефа, так поделились новостями... А что плохого?

– Да зачем они тебе вообще нужны?! Делать, что ли, нечего было!! – возмущалась Алка с гневным выражением лица. – Нашла чем заняться!

– А что такое?

– С проститутками ты еще не знакомилась!!

– С бывшими, Алла! С бывшими проститутками! – попыталась я сгладить обстановку. – Она теперь невеста, почти жена. Сказка о Золушке на современный манер, Алла!..

– Да не нужны они тебе сто лет!! И этот дурень не нужен!

– Чего ты завелась?! Встретились, поболтали, а потом он позвал в кафешку с ними, и мы в итоге всю ночь и прогуляли.

– Нечего делать тебе совсем?!

– Да угомонись!! Чего ты развопилась! Погуляла с ними вечером, и чего? Нашла проблему!

Подруга замолчала.

– Чего тебе не понравилось, ну погуляли и погуляли. Я и так забыла, когда куда-нибудь выезжала с новой работой, а тут хоть развеялась, да еще и за чужой счет. Большие дела. Да и интересно на самом деле было глянуть на настоящую падшую девушку. Да хотя... Что там... девчонка влипла на пару месяцев... так вот карьера оборвалась... Удачно, – я пыталась уладить нашу небольшую размолвку, но подруга не спорила, а только красноречиво молчала.

У меня, конечно, чесался язык напомнить подруге о ее бестолковых свиданиях, но я не стала вставлять шпильку. Алла на тот момент была еще не замужем и проводила время в веренице каких-то пустых и бессмысленных знакомств с молодыми людьми. Я понимала, что Алка не в настроении после очередного неудачного романа, да к тому же она меня младше почти на десять лет, и я промолчала. Но вечер был испорчен.

Разговоры-разговоры. Пустая болтовня, пустой треп. Я раздражалась и нервничала, меня бесили и обижали такие непонимания, но потом я поняла: мы стали разными, и если на каком-то жизненном этапе нас многое связывало, то на следующем интересы наши расходились, да и мы становились другими: более категоричными, несговорчивыми и вымотанными каждая своими проблемами.

А как-то раз я после перенесенного на ногах гриппа слегла с осложнением почти на месяц. Я еле очухалась тогда, и когда поехала по делам, по пути зашла к подруге Оксанке. Она находилась дома не одна: у нее гостила приятельница – серьезная солидная женщина лет сорока. Я, правда, посидела с ними недолго, отвратительно себя чувствовала и быстро распрощалась. На следующий день Оксанка мне перезвонила. Томным голосом она оповестила меня, что выглядела я безобразно и передала мне диалог с приятельницей почти дословно: те, после моего ухода, занялись обсуждением моей скромной персоны, естественно, не в положительном ключе. Оксана мне выдала на-гора множество замечаний и поток язвительной критики: нормальные люди в таком виде не выходят, мне нужно подумать о собственных нарядах, а так же о маникюре, макияже, ну и о прочих женских штучках. Я тогда так опешила, что даже не нашлась что сказать. Когда подруга положила трубку, я долго ходила по квартире, беседовала сама с собой и возмущенно махала руками. Потом я все-таки пришла в себя, хотела перезвонить и напомнить подруге о своих проблемах со здоровьем, о которых она была прекрасно осведомлена, а заодно поинтересоваться, зачем она вообще с некой неизвестной мне доселе персоной обсуждает мою скромную личность.

Я не стала этого делать – не помню почему – но обиделась и разозлилась я жутко. Во-первых, все сказанное было правдой: выглядела я отвратительно, и отражение в зеркале не то что не радовало, а только раздражало, я никак не могла вылечиться, уже очень волновалась по этому поводу и лишние напоминания об этом мне были совершенно ни к чему. А во-вторых, мне хотелось уточнить у подруги, зачем мне вообще нужно было пересказывать этот диалог?

Ну и обсудили бы там меня спокойненько, зачем же еще меня о нем оповещать? А может, она хотела как лучше? Не знаю.

Короче говоря, у меня лично как-то перестали складываться беседы с подругами. Я даже несколько раз давала себя крайне серьезные обещания: ни в коем случае и ни под каким предлогом не общаться больше с некоторыми ранее близкими людьми. Но из этого ничего не вышло. Они уже стали мне настолько близкими, настолько родными, что прочно поселились в самых укромных уголках моей души. Они расселились там так давно и так успели обжиться, что стали частью меня самой. А Оксанка так и вообще на мои судорожные клятвы плевала с высокой горки. Когда я нервно и раздраженно давала себе присягу забыть ее навеки вечные и никогда больше не ступать ногой на территорию ее двора, она вообще где-то внутри меня высывала язык, растягивала уши в разные стороны и звонким детским голосом громко делала: «Бэ-бэ-бэ-бэ-бэ!» И хвостики у нее были такие же, как на школьной фотографии в третьем классе.

Я со временем успокоилась, сделала определенные выводы и перестала раздавать свой номер совсем. Да и встречаться с многочисленными приятельницами перестала. Так, иногда только. Семейные посиделки, хроническая усталость и напряженные рабочие дни постепенно вытеснили многочисленные посещения подругок окончательно из моего графика. Стареем потихоньку.

Ира была мне очень близким человеком, но я не хотела идти к ней в гости. Та женщина, которую я встретила на улице, казалась мне незнакомым чужим человеком, которого я вроде знала, а вроде и нет. А та Ирка, моя Ирка, он осталась где-то там, в прошлом.

Я не могла вспомнить, когда мы виделись последний раз. Мы ведь долго дружили. И даже когда обе вышли замуж, все равно встречались и навещали друг друга регулярно. Наши мужья были из разных сфер: Иркин Лешка носил офицерские погоны, а мой Саша был совсем из другой оперы. Они, правда, пытались делать вид, что им приятно общаться, но это было явно не так. А когда я потом развелась, тоже постоянно моталась к Ирке, и она ездила ко мне, а на каком этапе у нас все затихло, я уже не помню.

Было около шести, а я еще пребывала на рабочем месте. Неделя выдалась такой сложной и нервной, что я как никогда устала и хотела завалиться на уютном диване за просмотром какого-нибудь бессмысленного, но приятного сериала. Категорически не хотелось никуда ехать, а там еще и поддерживать светскую беседу ни о чем. А то, что она будет именно такой, я даже не сомневалась. Моя Ирка всегда была очень закрытой и скрытной. Я не помню, чтобы я даже мельком слышала, что своей обожаемой маме, тете Рае, Ира рассказывала о своей личной жизни. Она всегда была такой. А уж женщина, которую я встретила на центральной улице города, точно не будет сообщать мне подробности своих судьбоносных перипетий. Эта приятная дама выглядела уверенной, спокойной, аккуратной и ухоженной, и точно занимала хорошую должность на высокооплачиваемой работе. Ирка всегда была такой: не разменивалась и крайне ответственно подходила к выбору всего в своей жизни, она была, можно сказать, рассудительной и взрослой, еще тогда, в нашей молодости. Конечно, я бы с удовольствием пообщалась с той Иркой, близкой и понятной мне, но с женщиной, которую я встретила на улице, у меня не было совершенно ничего общего. Я размышляла над этой дилеммой и не могла решить эту маленькую задачку, подсунутую мне в поездке в очередной выходной. Но отказать Ирке я никак не могла – слишком она мне дорога, да и в любом случае мне хотелось узнать и как дети, и что с родней, я ведь совершенно ничего не знала о ней. Хотя...

Я видела ее несколько лет назад, лет пять, наверное. Я бродила по магазинам в торговом центре и вдруг увидела Ирку. Я сначала застыла, потом сделала шаг в ее сторону, а потом сразу перевела взгляд на ее спутника. Но потом замерла. Рядом с ней был не Алексей. Ира шла под руку с незнакомым мне взрослым мужчиной лет сорока пяти: заметным, видным,

похожим на известного актера, и то, как они спокойно шествовали мимо ярких витрин, спокойно беседуя по пути, дало мне понять – Ира с Лешкой все-таки развелись. Так с приятелями и любовниками не ходят в многолюдных местах. Они выглядели супружеской парой, и я прошла мимо. Мне было неловко, что я даже не поздоровалась, но я понимала, что это будет диалог в режиме «здравствуйте – до свидания». Я обернулась глянуть на Ирку: модная, в меру яркая, спокойная и уверенная. Она всегда была такой. Невысокий мужчина с благородной сединой – он, чуть наклонившись, внимательно слушал, что говорит Ира. Ее жест рукой, курчавые волосы, плащ, подчеркивающий осиную талию. Мне только показалось, что подруга будто стала меньше ростом – она всегда немного сутулилась, а может, просто перешла с роста на каблук пониже. Ирка, моя Ирка, выглядела счастливой, и я спокойно пошла дальше, размышляя о нашей случайной встрече. «Они все-таки развелись с Лешкой... А ведь для Ирки это, наверное, было таким болезненным... как и для всех... «Расставанье – маленькая смерть»

Ирка была яростным поборником семейных ценностей. Для нее семья, ее близкие и родственники были самым главным. Конечно, у нас у всех так, но Ирка являлась просто фанаткой своей семьи. А еще она грезилась о переезде за границу тогда в девяностые, хотела построить карьеру, очень много занималась самообразованием, учила языки и много читала. Она вообще была очень амбициозной и разборчивой, даже тогда, когда нам стукнуло по восемнадцать и в голове шумел ветер, но даже тогда все это замечалось.

Ирка обладала различными талантами, я даже удивлялась, как они могли в ней сочетаться. После рождения старшей дочери, через пять лет у них с Лешкой появился и сын, и Ирка очень долго сидела дома. При этом она периодически выходила на работу, но дети болели, особенно Никитка, и подруга также периодически найденную работу оставляла. Меня всегда удивляло, как она быстро перевоплощалась из домохозяйки в деловую особу, причем работы у нее были настолько необычные и разнообразные, что мне иногда казалось, что Ирка мне нагло врет, описывая очередную должность. И только хорошо зная подругу, которая совершенно не склонна была к преувеличению, а тем более к фантазиям, я понимала, что она говорит исключительно правду.

Сначала она устроилась в местное издательство и писала там статьи для какого-то журнала. Она так заправски рассказывала о верстке, темах, писательских приемах, как будто являлась профессионалом в этой области, причем давным-давно. Чувствовала она там себя очень уверенно, по ее словам, получила массу хвалебных откликов, и руководители даже сравнивали ее работы с публикациями известного журналиста, причем в Иркину пользу. Когда пришел черед следующему ее увольнению, начальство долго шло ей навстречу до последнего и уговаривало остаться. Но семья для Ирки была на первом месте. Приоритеты расставлены у нее всегда были очень четко. И если маленький Никитка требовал постоянного присутствия мамы – значит, Ира спокойно увольнялась и дальше продолжала заниматься семьей и домашним хозяйством.

На следующей своей работе она каким-то образом оказалась на местном телевидении, там тоже в короткие сроки добилась успеха и перешла на какую-то заметную и красиво звучащую должность, причем через время она должна была вести какую-то передачу. Я, помню, была в шоке – моя Ирка на экране телевизора! Но ее саму это нисколько не удивляло и она даже говорила, что вести сама программу не будет, якобы ей не хочется лишней популярности, да и Лешка был против. А потом Ира стала вдруг бухгалтером в приличной фирме, помню, для меня это было тоже очень неожиданно. Причем подруга действительно никогда не рисовалась, если она что-то думала, то так и говорила, не приукрашивая себя со стороны. Ей можно было верить на слово. Она всегда такая была – прямая и понятная. Если Ирка пускала в свою жизнь человека, значит, она уже считала его своим близким другом, и он был для нее самым лучшим. Я всегда дорожила дружкой с Иркой, потому что знала это ее качество. Я стала человеком входящим в ее дом, и мне было понятно, что приглашение за порог ее жилища означал в переводе –

«ты теперь дорогой гость моей души, мой дом – твой дом, ты – замечательный человек, добро пожаловать в мой мир».

Мы познакомились с Иркой на первом курсе институтской жизни. В нашей группе училась ее одноклассница, и сначала они держались вместе. Я сразу обратила внимание на Иру: спокойная, мягкая, с плавными движениями, аккуратная, стройная, маленькая, а еще очень симпатичная. Как выразился один наш однокурсник – «на любителя». Но мне Ирка всегда казалась настоящей красавицей: белокожая, с красивыми выразительными темными глазами и правильными чертами лица. Хотя тогда в моду уже вошли новые стандарты, и котируются стали длинноногие и высокие девушки. Мы с Иrkой оказались в пролете. Но этих самых девушек модельной внешности в наших кругах было мало, поэтому на звание первых красавиц мы спокойно претендовали, тем более что наша будущая специальность была с техническим уклоном, и представителей женского пола числилось не так уж и много. Да и заочники состояли сплошь из приезжих взрослых мужчин. Ну, это тогда нам они такими казались.

Я хорошо помню наш первый диалог где-то на лестничном пролете здания. Мы тогда ожидали преподавателя и болтали возле зарешеченных окошек. Мы остались с ней вдвоем и после нескольких фраз Ира, спокойно глядя мне в глаза, мимоходом произнесла:

– Ты очень похожа на мою двоюродную сестру. – Она сделала паузу. – Такая же симпатичная. И голос у нее такой же приятный, как и у тебя.

– А... ну ... – я что-то пробурчала, но Ира уже перевела тему.

Наше совершеннолетие пришлось на начало девяностых. Тех самых «лихих», когда в стране широкими шагами двигалась новая перестройка без определенного направления, замесались хаос, разруха, нестабильность, ну и разгул преступности и криминала, о которых так много уже написано. Деньги лихо стали утрачивать свою ценность, да и много чего стало рушиться, нужно было зарабатывать себе на жизнь, поспевая за спешной походкой новых реформ в стране, и мы обе быстро перевелись на заочное отделение. Хочешь – не хочешь, а надо было себя обеспечивать. Нестабильно стало во всем: как только ты находил работу, с которой тогда было ой как туго после массовых закрытий предприятий и организаций, она тут же прекращала свое существование, и приходилось спешно искать новую. У меня подрастали две младшие сестры, в квартире негде было яблоку упасть, родители еле сводили концы с концами, сбережения бабушки, которая жила с нами, растаяли как снег на весеннем солнце, а у Ирки тоже были проблемы. Такая же бабушка-пенсионерка с минимальными накоплениями, мама-швея на полужакрывшемся предприятии и задолженностями по зарплате, и старший уже семейный брат в другом городе с маленьким ребенком.

Возможно, эта небольшая причастность к ее семье, как мое сходство с двоюродной сестрой Иры, и проложила начало нашей дружбе. Когда мы перевелись на заочное отделение, стали видаться гораздо реже, но на тот момент мы уже подружились и по субботам вместе ездили сдавать различные контрольные работы и посещать прочие нужные лекции и консультации.

Я как-то быстро стала вхожа в Иркин дом и семью. Даже не помню, через какое время это произошло. Я и тогда почему-то сразу поняла, что у нее не так много близких друзей, и она никак не является любительницей приводить домой шумные компании, а со временем и вовсе в этом убедилась. Нет, она не была слишком закрытой или с предубеждением относящейся к людям, наоборот – компанейской и общительной, но ее дом для нее был священной обителью. Да и все что касалось этого самого дома, тоже находилось в категории «свято».

Главным человеком для Ирки была мама. Я очень много слышу и читаю про замечательные отношения мам и дочерей, которые являются подругами. Ира с мамой не были подругами, они были мать и дочь, и ничего внешне не указывало на их неземную и особенную любовь друг к другу. Но во время пребывания в их доме это становилось совершенно понятным и очевидным. У них в семье было особое свойство – уважение к личной территории. Они будто по умолчанию считали друг друга самыми исключительными, умными и порядочными, все

строилось на доверии, не принято было критиковать и поучать, назидательный и менторский тон отсутствовали. Ира для мамы являлась самой лучшей, и все что она делала, было само собой правильным и единственно верным, хотя не сказать, что в доме витала некая диковинная атмосфера. Все обычно, как у всех, но это доверие и тепло чувствовалось и ощущалось в пространстве их старого дома в центре города. Ира всегда считала свою обитель самой лучшей, себя нормальной, не искала и не придумала себе недостатки, и не издевалась над собой фразами «не надо было», «а вот если бы», «а могло бы быть». Видимо, так в ней было заложено. Находиться в их доме было всегда комфортно, и я со временем гостила по несколько дней, с ночевками, само собой.

Старенький дом почти в центре города. Несколько двухэтажных строений в одном дворе с деревянными и железными лестницами с наружной стороны на второй этаже и кучей хозяйственных построек. У каждой семьи был свой сарайчик и свой туалет на улице, закрытый на замочек. Где-то виднелось широкое крылечко, у кого-то совсем узкое, у кого-то сарай больше, у кого-то совсем маленький – что каждый понастроил, в том и жил. Один домик стоял такой покосившийся и старый, что вообще напоминал жилище, построенное детской рукой, казалось, он вот-вот завалится. В Иркином доме основные удобства отсутствовали: все на улице. Отопление провели уже центральное, насколько я помню, но печь еще стояла – аккуратная и совсем не похожая на печку из мультиков. Какое-то небольшое сооружение, которое раньше топили небольшими прямоугольными черными брусочками. Старый ремонт в просторной квартире, большая кухня с окнами во двор. Но жить вполне себе было можно. Правда, мне, выросшей в многоэтажном доме, сначала отсутствие ванной и туалета в квартире казалось каким-то пережитком прошлого, но со временем я вместе с Ирой купалась за шторкой, а голову мы мыли посередине кухни в большом тазу. Я хорошо помню Иркину комнату, вход в которую шел сразу из кухни. Она вроде походила на больничную палату: побеленные стены, узкое пространство, две одинаковых кровати вдоль стен, а посередине – тумбочка с лампой и большой шкаф у входа. Но эта комната была теплой и уютной, и нам прекрасно там болталось перед сном.

Ирка о маме всегда говорила без лишних сюсюканий и уменьшительно-ласкательных суффиксов, спокойно и обыденно, но то, как сразу загорались ее глаза, выдавало в ней обожание и привязанность. Я еще незнакома была с тетей Раей, мы только-только подружились с Ирой и шли вместе с института. Я обратила внимание на новую футболку и сразу добавила:

– Ир, у тебя такая тонкая талия... – Она обычно ходила в свободных вещах, и я как-то не обращала особого внимания на ее фигуру и не разглядывала ее слишком подробно.

– Ты не видела талию моей мамы! – сразу оживилась Ира, и глаза ее заблестели. – Я тебе сейчас фотографию покажу!

Ира резко остановилась и полезла в сумку. Это было немного необычно – эта неожиданная остановка посередине улицы.

– Сейчас... сейчас... – она выудила кулечек из-под молока и аккуратно достала несколько фотографий. – Смотри, это моя мама, в молодости.

Я взяла в руки снимки. С фотографий на меня смотрела женщина необычайной красоты. Одна фотография была групповой, и мама Иры настолько выделялась среди других людей, что казалось, будто ее изображение вырезали с другой фотографии и наклеили на эту. Яркая блондинка с огромными глазами. Женщины на снимке были со старомодными прическами и такими же одеждами, но то, что мама Иры была невероятной красавицей – это являлось несомненным. А еще талия. Вот уж действительно талия. На одном кадре мама Иры стояла во весь рост в узком платье бежевого цвета, подпоясанная широким поясом. Ну, это просто казалось результатом обработки снимка путем различных компьютерных программ, которых тогда не было и в помине. Окружностей такого минимального размера просто не могло быть по-настоящему.

– Ира, ну надо же... – восхищенно пробормотала я. – Действительно, какая фигура у твоей мамы диковинная. Очень красивая женщина. А кто она у тебя?

Ира немного печально улыбнулась.

– Она у меня обычная. Жена, хозяйка, мать двоих детей. Меня с братом. А вообще она швеей работает на «Русалочке». Раньше мне много шила, когда я маленькая была, – Ира немного печально скривилась. – Ну, ты же видишь, это старые фотографии. Конечно, моя мама сейчас выглядит по-другому. С папой разошлись, а он через месяц в аварию попал, погиб сразу. Мама очень хотела с ним помириться. Так разошлись... просто... по глупости... Она думала, что ненадолго. Очень переживала. От бывлой красоты ничего и не осталось. Ну... какая разница... лишь бы не болела.

На Иркино лицо набежала грусть и я поддакнула.

– Ир, ну конечно, что ты... Ну конечно, мы в молодости все красивые... а как же... Вот у меня бабушка тоже писаная красавица была, со всей округи женихи ездили свататься, а сейчас – обычная. Главное, чтобы не болели.

– Ага, – кивнула Ира. – Маму в прошлом году машина сбила, гололед был, – ее голос дрогнул. – Ой, ну так, отделались небольшими ушибами... Я тогда... – Ира запнулась.

Я повернула голову и увидела на ее глазах слезы.

– Ир, пошли, сама говоришь, хорошо, что легкими ушибами все закончилось. Так что не думай о плохом. Правда, пусть не болеют.

– Да сейчас время такое... Так нервничает... все из-за денег. Успокаиваю ее, как могу. Все равно нервничает. На работе шатко-валко: то есть заказы, то нет. Говорю ей: «Радуйся, что еще работа есть, вон, сейчас не устроишься никуда». Она у меня такая... паникерша.

– А мама замуж больше не вышла?

– Жила потом, недолго прожили, он к бывшей жене вернулся. Она стала писать в инстанции на работу к нему, а он начальником большим работал, по партийной линии стали давить. Он сначала уехал, вроде обещал с женой уладить и вернуться. Писал долго маме письма. Тоже плакала, ждала его. Вот... вся красота туда и ушла. А сейчас мама не одна, ну ее... Она у меня, знаешь, такая вот: не может одна. Не может. Знаешь, вот должен мужчина рядом быть, она не может без мужчины. Вот, знаешь, есть такие люди: не могут кушать одни, спать одни, вообще не могут одни. Я не имею в виду себя, бабушку мою, а личную жизнь. Но сейчас не одна. Дядя Витя у нас живет, потом познакомлю тебя, – Ира ненадолго замолчала. – Ну... он такой... Он инвалид, но человек очень хороший, маму не обижает. Для меня это самое главное. Помогает нам. А то бы вообще с этой перестройкой ноги бы протянули: то мама заболела, то бабушка, а он помогает. Дома, правда, все время, он не работает, ему нельзя работать.

Я только хотела спросить, как же этот иждивенец может им помогать, если он не работает, как Ира добавила:

– У него пенсия хорошая. Мама говорила, он вроде чернобылец или афганец, не помню, льготы там у него какие-то, мама вроде собирается его прописать у нас. Тогда телефон могут провести, мы вроде на льготной очереди будем. Да я же тебе говорю, у меня мама такая: она одна не может, пусть живут. Лишь бы ей нравился, – Ира слегка махнула рукой. – С деньгами полегче и хорошо. – Она пихнула меня в бок. – Приезжай ко мне с ночевкой на выходные? Мама сейчас допоздна работает, после двенадцати приходит, у них там какой-то кооператив образовался, вроде заказы есть. Да они даже если дома не будут нам мешать, у нас там, правда, дом без удобств... А вечером в кино ходим, потом опять ко мне? Давай?

Я кивнула.

– Давай, договорились.

– А в субботу в институт вместе ходим, а потом погуляем.

– Идет!

Так началась наша дружба, которая продлилась ни много ни мало, а достаточно большое количество лет.

Конечно, в ту же пятницу я увидела и обиталище Иры, и всю ее родню. Сначала – странный двор с различными постройками, включая косой-кривой дом. У меня тогда никто не жил в этом районе с такими старыми строениями – они хоть и были добротными, но выглядели так не очень-то. Хотя сами дома были крепкими. Ирка потом рассказывала, что кто-то хотел расширить кухню и не смог сломать стену. Она якобы была толстенной в несколько слоев каких-то старинных кирпичей или как там они назывались. Бригада рабочих тоже не справилась. А специальную технику во двор завезти не могли: проезд во двор был узким, и владельцы так и остались жить со старой маленькой кухней.

Познакомилась я и с мамой Иры, тетей Раей. Конечно, она ничего не имела общего с молодой белокурой женщиной с фотографий, но выглядела очень приятно и молодо. Улыбчивая, симпатичная, роста выше среднего и такая же мягкая и плавная, как и дочка. В общем, она мне очень понравилась.

– Мама! Иди знакомиться! – крикнула тогда Ира куда-то вглубь комнаты. – У нас гости! Из комнаты вышла миловидная женщина, запахивая на груди цветастый халат.

– Мама, это Аня, моя институтская подруга. Будет у нас жить.

– Здравствуйте, – спокойно «выкнула» мне мама подруги, искренне улыбаясь.

Казалось, она даже не обратила внимания на фразу про то, что я буду у них жить. Так заведено было в их семье: раз любимая дочь привела кого-то в дом, значит, так тому и быть. Значит, так надо, и человек этот такой же замечательный, как и сама любимая дочь, и жить она будет столько, сколько пожелает.

– Здравствуйте! – вежливо кивнула я в ответ.

– Ира, покажешь тут, что у нас где, – также спокойно улыбаясь, обратилась тетя Рая к дочери. – Найдете, что покушать, я от бабушки супчик принесла, грибной, очень вкусный.

– Найдём, мам.

Познакомилась я и с бабушкой, которая как оказалась, жила не с ними, а в соседнем доме в этом же дворе на втором этаже. Как уж так получилось, я точно не знаю, но вроде там раньше проживала какая-то родственница, и ее собственность каким-то образом перешла в руки бабушки. Тоже приятная женщина, только не из породы дочки и внучки: она выглядела более подвижной, бойкой, такая – сосредоточенная и занятая своими делами, и внешне я не заметила никакого сходства с дочерью и внучкой. Ира мне рассказала, что бабушка стала при-торговывать на рынке посудой: чашками, блюдами и тарелками, которыми ее подруге выдавали зарплату на каком-то предприятии.

Тогда все торговали. И кто хотел, и кто даже не помышлял заняться этим делом и считал это занятие позорным и недостойным. Сначала все смущались и стеснялись, а потом попри-выкли. Торговали все. Существовали различные рынки, рыночки, базарчики, а по выходным в парках люди выходили и, разложив прямо на земле клеенки, выставляли на всеобщее обозре-ние свои запасы из закровов, с последующей целью избавиться от «сокровищ» за определен-ную денежную сумму. Это могли быть и старые вещи, и новые с ценниками. Даже дети выно-сили собственные игрушки и активно участвовали в этих «мероприятиях».

Тогда же я познакомилась и с маминым сожителем дядей Витей. Это, конечно, отдельная тема. Хоть мама Иры и не походила на женщину со старых фотографий, но тем не менее она выглядела на «отлично» и была очень миловидной. Понятно, что на момент нашего с Ирой знакомства тете Рае перевалило за сороковник, но она была очень ничего себе. А учитывая, что она работала швеей, красиво и со вкусом одевалась. А уж когда укладывала волосы в прическу и наносила макияж, так и вообще выглядела сногшибательно для своего возраста. Осиной талии, правда, уже не наблюдалось, но была она тогда как раз «в моде» из-за высокого роста. Красивая стройная женщина. Но когда я увидела дядю Витю... Я тогда сразу подумала, что

приютить у себя в трехкомнатной квартире этого бедолагу можно было только в период той самой перестройки в нищие девяностые от безысходности и полного безденежья, бесконечных деноминаций и девальваций, и прочих денежных реформ, которые проводились, похоже, что ежедневно.

Дядя Витя выглядел как бледное невзрачное пятно в квартире. Невысокий, кругленький, в маленькими глазками, то ли рыженький, то ли светленький. Короткие волосенки торчали в разные стороны, и походил он немного на одного актера, снимавшегося в детских фильмах и обычно изображавшего дедушку главного героя-пионера или доброго волшебника в сказках. Застывшая улыбочка на лице, немного блуждающий взгляд и рубашечка в клеточку. Я сразу вспомнила, что Ира упоминала, что он вроде как не работает по состоянию здоровья, но руки и ноги у дяди Вити были на месте – визуально на инвалида он не походил, разве что, может, по уму. А так, внешне, с ним было все в порядке. Единственное, у него была немного своеобразная походка, как будто у него не поворачивалась шея, и он передвигался как робот, и то это было практически незаметно, так только, если как следует присмотреться. Правда, как потом выяснилось, дядя Витя совершенно не докучал никому в доме: ни Ире, ни нам с ней, когда я приезжала к ней на неопределенный срок, ни всем остальным. Он никогда не задавал идиотских вопросов, не мешал, не навязывал своего общения, не пытался влезть в наши разговоры и чаевничать с нами, а просто передвигался хаотично по дому, распевая песенки. Он постоянно что-то мурлыкал. В его репертуаре было несколько куплетов, в основном он напевал четыре строчки:

Про меня пусть люди скажут:
Сердцем чист и не спесив,
Может я по меркам вашим,
Недостаточно красив?

Эти строчки их известной песни звучали в доме постоянно. Причем после окончания куплета, он делал обязательно жест рукой, как будто действительно у кого-то интересовался своей красотой. Как только он заканчивал эти четыре строчки, начинал вновь. Иногда репертуар изменялся: были еще куплеты про ландыши и фонарики и вроде про «поле-полюшко», но стандартным хитом у него были все те же вопросы о собственной красоте. Сначала это выглядело вроде странно, но со временем я, как и все члены Иркиной семьи, не обращала на это никакого внимания. Тем более распевал он не шибко громко, и со временем его напевы стали вроде радио в доме, вроде как фон или как уличный шум, или звуки проезжающих автомобилей за окном. Я со временем привыкла к его небольшим причудам, а Ирка уж тем более, и мы вообще не замечали, есть он в доме или куда-то вышел. А уж когда выяснилось, что дядя Витя подкидывал Ирке наличные, так и вообще к нему все вопросы отпали сами собой.

Со временем я уже так пообвыкла к их уютному и гостеприимному жилищу, что вообще забыла, что я им всем чужой человек, и чувствовала себя совершенно комфортно. Иркина обитель стала для меня вторым домом.

Стрелки часов подгребали к отметке «полседьмого», а мы все никак не могли дожидаться шефа, который по приезду надумал вдруг прогуляться по территории. Именно в этот вечер он решил взять интервью у всех работников, встретившихся у него на пути, а мне необходимо было согласовать с ним важный вопрос. Я уже раздумывала, как мне избежать похода в гости, но совершенно ничего не могла изобрести, потому что устала как собака. Взглянув в мобильник в очередной раз, я отправила сообщение: «Ира, я еще на работе, когда освобожусь, не знаю». Я рассчитывала, что она в ответ мне напишет нечто такое, после которого у меня отпадет необходимость тащиться на другой конец города, но через секунду пришло голосовое

сообщение. Я ткнула пальцем в экран, и до меня донесся Иркин голос: «Привет, Аня, я тебя поняла. Не волнуйся, вина много, твой любимый салат с печенью трески тебя ждет, без тебя не сажусь. Давай, я тебя жду» Это был голос моей Ирки, не той важной женщины под полтинник, которую я встретила на улице, а той, молодой и задорной. Голос не изменился. Я сразу вспомнила тот самый салат с дефицитным тогда продуктом, который мне заботливо оставляли на полке холодильника после каждого праздника, если вдруг я не отмечала его с родственниками подруги. Ирка ничего не забыла. От этой маленькой заботы мои сомнения сразу улетучились, а в голове поплыли очередные воспоминания нашей молодости в лихие девяностые. А еще у них были вкусные маринованные помидоры и болгарский перец. Когда очередная банка с этими яствами вскрывалась, мне всегда оставляли эти разносолы. И когда я появлялась на пороге дома, тетя Рая всегда кричала Ирке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.